Slavica Helsingiensia 40
Instrumentarium of Linguistics
Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian, Helsinki, 2010
A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin (eds.)

Е. Перехвальская

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ РУССКОГО ПИДЖИНА: УССУРИЙСКИЙ ВАРИАНТ

The most senior representatives of Udihe and Nanai, the indigenous ethnic groups of the Primorsky territory, use a specific version of the Russian language, which has to be classified as a depidginized form of Chinese Pidgin Russian. These idioms are characterized by an unusually high variability, as pidgin forms appear in free variation with forms borrowed from Russian. The most important mechanisms which result in the formation of the common code are the synonym enumeration strategy and the echo effect. Speakers of related idioms use them while communicating in order to establish mutual understanding. Characteristic features of these idioms are analyzed.

Русский язык старших представителей коренных народов Приморского края – удэгейцев, нанайцев, тазов, орочей – несет следы сравнительно недавно существовавшего в этом регионе русского пиджина. Этот идиом (идиомы) может рассматриваться как результат депиджиназации, произошедшей в ходе интенсивного взаимодействия пиджина с русским языком.

Пиджин. С середины XIX в. по 1930-е гг. основным средством общения коренных жителей Приморского края с русскими был русский пиджин в его дальневосточном варианте.

Русские пиджины возникали с конца XVIII в. как вспомогательные жаргоны, обслуживавшие коммуникацию во время торговых сделок, при сборе ясака и в других подобных стандартных ситуациях общения. В Сибири и на Дальнем Востоке русский сибирский пиджин стал обслуживать более широкие сферы контактов пришлого русского (точнее, русскоязычного) населения как с местными коренными народами, так и с пришлыми китайцами и корейцами. Коренными народами в Приморском крае были нанайцы и удэгейцы, жившие в отдаленных таежных районах по течению рек. В городах – Хабаровске, Владивостоке, Харбине – русский пиджин использовался как средство повседневного общения между «европейской» и «восточной» группами. «Европейскую» группу составляли русские, поляки, украинцы, а также представители других народов европейской части Российской империи, «восточная группа» была представлена, в первую очередь, китайцами, а также корейцами[1].

Китайцы в Приморье. По-видимому, основными распространителями пиджина среди нанайцев и удэгейцев были китайцы.

До присоединения Приморья к России, население Уссурийского края было немногочисленным, это была дальняя окраина исторической Маньчжурии. Собственно китайское население (*хань*) в Маньчжурию не допускалось маньчжурской же имперской администрацией, стремившейся к сохранению своего этноса. После присоединения Приморья к России запрет на проникновение в эту область китайцев был сам собою снят. Китайцы стали появляться в Приморье во все возрастающих количествах. Среди мигрантов преобладали торговцы, скупщики женьшеня, пантов и пушнины, люмпенизо-

[1] Подробнее о русских пиджинах см.: (Перехвальская 2008)

ванные и преступные элементы. Часть оседала в Приморье и заводила семьи, китайцы брали в жен местных женщин – удэгеек и нанаек. Дети от этих браков считались китайцами. Языком домашнего общения в смешанных семьях обычно был китайский. По свидетельству наших информантов, китайцы не владели местным (удэгейским или нанайским языком), а говорили исключительно по-китайски даже в отдаленных стойбищах, где преобладало удэгейское население. Это свидетельствует о том, что китайский язык пользовался бóльшим престижем, равно как и китайская культура. Известно, что более престижная группа не стремится овладеть языком менее престижной группы, в то время как менее престижная группа, напротив, стремится говорить на языке более престижной группы. Можно сделать вывод о том, что к началу XX века китайцы оказались доминирующей группой во внутренних районах Приморья, куда еще практически не проникало русское влияние.

На юге Приморья языковое и культурное влияние китайцев было настолько сильным, что к 1930-м годам местные удэгейцы и нанайцы полностью перешли на китайский язык. Они образовали новую этническую группу *тазы*[2], которая в отличие от собственно китайцев, впоследствии не подверглась выселению из Приморья.

Языковой сдвиг в сторону китайского происходил повсеместно, но с разной степенью интенсивности. В долине реки Бикин китайское влияние было более интенсивным в нижнем течении, менее интенсивным – в верхнем течении. Начиная с 1935 г. из СССР начали выселять лиц, не имевших советского гражданства. Из Приморья выселяли не только иностранных граждан, но и граждан СССР, имевших запись «китаец» в графе «национальность» (печально известный «пятый пункт»). Представители местных коренных народов переселению не подлежали. Это заставило многих из тех, кто считал себя китайцем[3], записываться нанайцами, удэгейцами, тазами, указывая «национальность» по матери или бабушке, а впоследствии скрывать свое происхождение.

Фактором, значительно ослабившим позиции китайского языка в Приморье, стал страх перед депортацией. До сих пор многие жители национальных поселков боятся признаться во владении китайским языком. Несмотря на это китайский язык продолжал и продолжает звучать в пос. Красный Яр, Олон и Михайловка. В ходе социолингвистического обследования, проводившегося в 2004 г. в поселках Красный Яр и Олон, мы нашли одиннадцать человек, владеющих местным вариантом китайского языка, из которых только трое были записаны в похозяйственной книге китайцами, двое других – мать и дочь – ранее имели паспортную запись «гольд». Остальные считались удэгейцами или нанайцами. Это были люди старшего возраста. В предыдущие годы знающих китайский язык было значительно больше. Интересно сравнить эти данные с данными переписей. По переписи 1989 г. в Приморском крае среди удэгейцев нашлось лишь 4 человека, владеющих иным языком, помимо русского и своего национального языка. Однако в период, когда проводилась перепись, только среди бикинских удэгейцев не менее 15–20 человек хорошо владели китайским языком, чего в переписи не указали, видимо, из соображений безопасности[4].

Русское языковое воздействие следует разделить на три этапа. Первый начинается с конца XIX в., когда в Приморье начали переселяться староверы. Несколько староверческих деревень находилось в верховьях Бикина. Вследствие замкнутости данных групп,

---

[2] Этот этноним восходит к китайскому *da-dze* «варвар, житель Приморья». Впоследствии этноним *тазы* был переосмыслен как множественное число слова *таз*, появилась и форма женского рода *тазовка*. Эти термины и стали использоваться как паспортная запись. О тазах см.: (Беликов & Перехвальская 1994, Сем & Сем 2001).

[3] Фактически в большинстве своём это были дети от смешанных браков.

[4] О влиянии китайского языка на аборигенные языки Приморья см.: (Перехвальская 2007).

удэгейцы и нанайцы не поддерживали с ними тесных отношений – проживание в одном поселке, и тем более межэтнические браки, были исключены.

Контакты с официальными властями в этот период были редкими и обслуживались русским пиджином, который удэгейцы и нанайцы восприняли от китайцев, уже говоривших на пиджине. Так возник местный «уссурийский» вариант пиджина, который можно охарактеризовать как «уссурийский этнолект», поскольку он впитал в себя некоторые черты, свойственные родным языкам говорящих – удэгейцев и нанайцев. Этот «уссурийский» вариант китайского русского пиджина был неплохо документирован в художественной и публицистической литературе (Арсеньев 1947-1949; Масловский 1999). Он весьма близок к маньчжурскому пиджину, распространенному в г. Харбин и вдоль КВЖД, а также приморскому варианту пиджина, который использовался во Владивостоке. Эти варианты также достаточно хорошо документированы не только в художественной и публицистической, но и в научной литературе (Врубель 1931; Jabłonska 1957; Шпринцын 1968; Nichols 1980). Близость данных вариантов очевидна. Удэгейцы и нанайцы могли воспринять пиджин только от китайцев, контакты которых с русскими начались раньше и были более регулярными.

Таким образом, удэгейцы 1900-1915 (и ранее) годов рождения не имели доступа к русскому языку, а при редких контактах с русскими использовали русский пиджин, который усваивали у китайцев.

Второй этап контактов с русскими начинается с середины 1930-х гг. в связи с появлением русских в самих национальных селах Приморья. В СССР был взят курс на «культурную революцию». В нанайских и удэгейских селах началось интенсивное социалистическое строительство, в ходе которого на местах появились учителя, врачи, советские работники, в также представители милиции, НКВД и т.п., которые были не готовы использовать пиджин. К 1940-м гг. значительный процент детей обучался в школах, были организованы колхозы, во время войны удэгейцы и нанайцы призывались в армию. Возникла необходимость владения русским языком и одновременно появилась возможность его выучить, т.е. появился доступ к языку.

В этот период удэгейский и нанайский остаются основными языками внутрисемейного общения, на них говорят с соседями, друзьями, в магазине. Однако в официальных ситуациях – на колхозных собраниях, в сельсовете – используется русский язык. Речь удэгейцев, родившихся в 1930-е гг. и десятилетием позже, представляет собой недоученные варианты русского языка, так называемый «интерязык»[5].

С 1950-х годов начинается третий этап взаимодействия русского и национальных языков – вытеснение русским языком удэгейского и нанайского. Родившиеся в 1950-е гг. и далее получили широкий доступ к русскому языку, что связано с появившейся системой интернатов. Одновременно сужается, а впоследствии и исчезает, доступ к национальному языку: дети его редко слышат и усваивают сначала лишь пассивно, затем вовсе перестают усваивать. Полностью доступ к национальному языку прекращается в 1980-е гг. Люди, родившиеся в 1970-е гг. и далее, не владеют национальным языком.

Таким образом, на конец XX века ситуация с русским языком в национальных поселках Приморья выглядела следующим образом: одновременно присутствовали несколько «типов» языка – пиджин, «интерязык» (недоученные варианты русского), русский язык в его дальневосточном варианте. Эти разновидности и сейчас существуют у представителей разных возрастных групп. Следует заметить, что формы, восходящие к

[5] См., например, Рогозная, Н.Н., Ма Пин. (2006), ‘Исследования субординативного билингвизма по обе стороны контактирования языков (китайско-русский и русско-китайский интерязык)’, *Лингвистические и методические стратегии обучения иностранцев русскому языку как средству межкультурной коммуникации*. Иркутск: Иркутский го. ун-т, 56–63 (прим. ред.).

пиджину, сохраняются чаще у женщин, чем у мужчин (которые служили в армии), у людей с начальным образованием или совсем без такового – чаще, чем у людей с образованием, и, наконец, чаще всего у тех, кто по роду деятельности реже сталкивался с официальными инстанциями или вообще жил за пределами посёлков (охотники, пасечники и т.п.). Хуже всего формы пиджина сохранились в ситуациях межнациональных браков. Все указанные факторы релевантны не только в отношении пиджина, но и в отношении национальных языков.

Люди, выучившие когда-то русский пиджин, оказались в преклонном возрасте окруженными русскоязычным миром. У них появился запоздалый доступ к русскому языку, однако сенситивный возраст усвоения языка уже давно прошел. Вследствие этого они были неспособны усвоить новый язык в полной мере, однако в их речи появились формы, свойственные русскому языку, которые, однако, находятся в состоянии свободного варьирования с формами пиджина. В результате возникла ситуация, которая в креолистике называется «постпиджинным континуумом». Это ситуация повышенной вариативности форм – вариативность в таких идиомах значительно превышает таковую в «стабильных» идиомах, будь то привычные нам языки или пиджины.

В 2000-е гг. варианты таких идиомов можно было наблюдать в поселках, местах компактного проживания коренных этнических групп. В Приморском крае это: пос. Красный Яр и Олон (Пожарский р-н), пос. Агзу (Тернейский р-н) и пос. Михайловка (Ольгинский р-н).

В Красном Яре и Олоне, помимо удэгейцев и нанайцев, проживают и представители других коренных народов Дальнего Востока (орочи, тазы, эвенки). Агзу – место компактного проживания удэгейцев; Михайловка – поселок, суда были сселены тазы и гольды[6].

Национальные языки в Приморье. Еще в советское время здесь сложилось представление о культуре коренных народов как об «отсталой» в сравнении с русской. О непрестижности удэгейской этничности свидетельствует использование таких выражений: «работать по-удэгейски» (т.е. плохо, без старания, с плохими результатами), «удэгейский дом» (т.е. бедный, неубранный), удэгейские слова использовались для выражения уничижительных значений: «мамаса» (удэгейск. «жена») в местном русском языке означает «неряшливая домохозяйка» и т.п. Женщины стремились выйти замуж за русского, «чтобы дети были красивые», следовательно, европеоидный антропологический облик также оценивался как «лучший». Результатом этой ситуации явился быстрый языковой сдвиг и повсеместная утрата национальных языков.

По данным переписи 2002 года из 1657 человек, назвавшихся во время переписи удэгейцами, лишь 4 человека (2 в Приморском и 2 в Хабаровском краях) отрицали знание русского языка, то есть являлись монолингвами. Действительно, практически все удэгейцы и нанайцы владеют русским языком, и, таким образом, необходимости в знании национальных языков для коммуникации в поселках нет. Нанайский язык в Приморском крае более не употребляется. Удэгейский язык сохраняется, главным образом, как маркер этничности, но и в этом качестве он не воспринимается удэгейцами как абсолютно необходимый.

Удэгейский язык перестал передаваться детям как средство активной коммуникации в 1960–1970-е годы в связи с распространением школ-интернатов и изменением жизненных ориентиров многих удэгейцев. Соответственно, в настоящее время полноценно компетентными носителями удэгейского языка являются люди, родившиеся до 1950 года. Боль-

[6] Гольды – дореволюционное название нанайцев; этот этноним сохранился на юге Приморья, им называют небольшую группу этнических нанайцев, перешедших на китайский язык. Они мало отличаются от тазов, потомков нанайцев и удэгейцев.

шинство тех, кто родился в 1950-е, 1960-е годы и позже, понимают обращенную к ним речь пассивно, однако активно владеют лишь редуцированной формой языка – способны произносить лишь простые стандартные фразы. Люди младше 20 лет – дети и внуки этих некомпетентных носителей – уже не знают по-удэгейски даже самых простых слов. Студенты-удэгейцы, поступающие в Институт Народов Севера при Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена, как правило, не знают на национальном языке ни одного слова.

Общий подъем национальной культуры коснулся возрождения языка в меньшей степени, чем других сторон культуры (музыкальный фольклор, ремёсла). Для людей «извне», например, для российских журналистов или японских экотуристов, степень компетенции удэгейцев в своем языке не особенно заметна. Тем не менее, сами удэгейцы проявляют озабоченность далеко зашедшим процессом языкового сдвига. Ими предпринимаются попытки возрождения языка и организации его передачи людям младшего поколения. В течение ряда лет удэгейский язык преподавали в начальных школах пос. Красный Яр и Агзу в качестве факультативного предмета, в детских садах проводились занятия по удэгейскому языку, предпринимались попытки организовать курсы удэгейского языка для взрослых. Это не привело к серьезным изменениям в уровне компетенции большинства удэгейцев (хотя отдельные случаи значительного улучшения компетенции были), однако не могло не отразиться на резком повышении престижности национального языка. В реальности задача сделать удэгейский язык полноценным средством общения в селе, где все поголовно владеют русским языком, а большая часть людей владеет им как единственным и родным языком, является неосуществимой. В то же время вполне реальной кажется задача сохранения национального языка как этнического маркера. Правда, в такой ситуации достаточно знания нескольких слов и этикетных формул. По-видимому, формирование подобной ситуации и происходит сейчас в национальных поселках Приморского края.

Несколько более сложной оказывается ситуация в пос. Михайловке, где проживают тазы и гольды, представляющие собой одну этническую группу. О происхождении их уже говорилось. «Национальным» языком этой группы является китайский в его северо-восточном варианте. Ни о каком преподавании этого языка в Михайловке речь никогда не шла.

Формы бытования русского пиджина. В отличие от национальных языков пиджин не обрёл социльного признания. Он окончательно перестал быть средством межэтнического общения к 1960-м гг. и, следовательно, утратил свою единственную функцию. Он должен был исчезнуть, что, собственно, и произошло. Однако он исчез не в одночасье, поскольку имелось достаточное количество людей, владевших пиджином и не владевших русским языком.

С лингвистической точки зрения дальневосточный пиджин и русский язык можно рассматривать как близкородственные языки или диалекты – они обладают каждый своей системой, однако в значительной степени взаимопонятны благодаря тому, что лексика пиджина заимствована преимущественно из русского языка. Говорящие на этих идиомах могут добиться взаимопонимания.

Основной причиной утраты пиджином коммуникативной функции был его низкий социальный статус. Коренное население Уссурийского края получило доступ к русскому языку, что произошло в результате почти полного охвата детей школьным образованием, а также в результате появления в национальных поселках значительного количества русских, говоривших на эталонном языке. Пиджин как средство общения с русским миром уступил место русскому языку. Многие носители нанайского, удэгейского и китайского языков старались сознательно избавиться от пиджина. В русской речи

многих людей старшего и среднего поколения остается лишь «акцент», вследствие недостаточного овладения произносительными нормами русского языка наблюдаются отдельные ошибки, однако нет сомнений, что они говорят на русском языке.

Однако были и люди, продолжавшие пользоваться пиджином. Постепенно они оказались в русскоязычном окружении, причем окружающие с какого-то момента перестали с легкостью понимать речь на пиджине. В 1970-е гг. в национальных селах постепенно замолкают и местные языки. Единственным языком, который используется в общественных местах (в магазине, сельсовете, в больнице), оказывается русский. Работники этих учреждений не понимают или плохо понимают пиджин.

Вследствие этого носители пиджина начинают использовать формы русского языка, система пиджина распадается. Однако овладения русским языком также не происходит. Возникает идиом (или идиомы), вариативность форм которого на порядок выше, чем вариативность любого языка, имеющего устойчивый узус. Нечто сходное можно наблюдать при контакте близкородственных языков, однако вариативность идиома в состоянии «постпиджинного континуума» еще выше.

Е.А. Хелимский замечал относительно глагольных форм в говорке: «…в их употреблении царит хаос. Обычно глагол не согласуется с подлежащим ни в числе, ни в лице, ни в роде, и из всех вариантов выбираются преимущественно формы множественного числа или мужского рода (в прошедшем времени и условном наклонении) и 3 лица единственного числа (в настоящем и будущем времени). Тем не менее, встречаются и другие формы (например, женский род ед ч., первое лицо ед. и мн ч., 3 лицо мн ч.; формы второго лица индикатива практически неизвестны говорке)» (Хелимский 2000: 391).

Такое же впечатление создают и грамматические формы, встречающиеся в русской речи представителей самого старшего поколения удэгейцев и нанайцев. Тем не менее, в этом хаосе можно наметить некоторые отчетливые тенденции.

Формы пиджина (неизменяемые) находятся в ситуации свободного варьирования с формами русского языка, имеющими морфологическое оформление. Однако представлены далеко не все существующие в русском языке грамматические формы; выражены не все категории.

Рассмотрим характерные черты данных промежуточных идиомов.

Глагол. В пиджине все глаголы имели единую неизменяемую форму, часто совпадающую с императивом русского языка: *живи, ходи, понимай, кушай* и т.п. В речи современных носителей пиджина появляются спрягаемые формы настоящего, прошедшего или будущего времени. Однако употребляются далеко не все формы русского глагола. Полностью отсутствуют страдательный залог, возвратность и реципрок, сослагательное наклонение. Никогда не встречаются нефинитные глагольные формы – причастия и деепричастия. Употребительны только формы индикатива и императив. Из нефинитных форм изредка встречается инфинитив, хотя говорить об устойчивом существовании инфинитива в этих вариантах невозможно, ср. пример (3).

Глаголы спрягаются по лицам и числам. Однако эти спрягаемые формы у одного и того же информанта, иногда в одном и том же высказывании могут чередоваться с неизменяемыми формами пиджина (см. примеры 1–4).

(1) *Ухо ни* ***слыши****, галава* ***бали****, кости* ***бали****, я еле-еле* ***ходит****.*
‘Слышу плохо, голова болит, кости болят, я еле хожу’

(2) *Зима, такэ* ***знаишь*** *капкана* ***постави*** *шобы ничо ни* ***замети****.*
‘Зимой, знаешь, можно поставить капкан, так что никто не заметит’.

(3) *А его* ***возьмёт*** *да как* ***варит****, а* ***кушай начинай*** *– горькэ.*
‘Некто купит [рыбу], сварит, а станет есть – рыба невкусная’

(4) *Тозе* ***обучает****. Суда ного* ***ходи****,* ***ездили*** *они.*
‘Они тоже преподаватели. Они часто приезжали сюда (речь идет об исследователях Л.И. Сем и Ю.А. Семе).

Приведенные примеры демонстрируют также тот факт, что спрягаемые глагольные формы далеко не всегда согласуются с подлежащим по лицу и числу. Наиболее частотной по текстам оказывается форма 3 л. ед. ч., которая может замещать формы других лиц и чисел. Пример (3) показывает, что эта форма используется и как «безличная». В русском языке в этой функции чаще всего выступает форма 2 л. ед. ч. Пример (3) следует перевести: «купишь ее, сваришь, а станешь есть – невкусно». Ср. также:

a. *Када маленький* ***был****,* ***говорит*** *па-удэгейски. А потом па-руски. И щас тоже по-удэгейски* ***говорю****.*
b. ‘В детстве я говорил по-удэгейски. Потом по-русски. Сейчас по-удэгейски тоже говорю.’

Следующей по частотности является форма 3 л. мн. ч.:

(5) *Сои садили, синицэ садили, кукуруза садили для колхозэ.*
‘В колхозе сажали сою, пшеницу, кукурузу.’

Формы других лиц и чисел появляются реже и также не всегда согласованы с субъектом, ср. пример (7), где форма 1 л. ед. ч. заменяет 3 л. мн. ч., возможно, согласуясь с объектом.

(6) *А потом говорит… а потом увижу спрашивает, охто научил…*
‘А теперь говорят… теперь увидят <меня> и спрашивают, кто-то научил…’

Очевидно, что под влиянием русского языка в речи носителей пиджина появляются новые формы, однако они не выстраиваются в систему и оказываются как бы «синонимичными» старым формам пиджина. Трудно, например, утверждать, что в «размытом» варианте пиджина возникли категории лица и числа глагола. Они выражаются настолько непоследовательно, что их нельзя считать оформившимися категориями. Несколько иной оказывается ситуация с глагольным временем. Эта категория выражается несколько более последовательно, хотя также выражена не всегда, ср. пример (4), где в том же грамматическом значении претерита употреблен как морфологически неоформленный глагол *ходи*, так и форма прошедшего времени *ездили*.

Что касается глагольного вида, который в пиджине отсутствует, как и все остальные глагольные категории, то следует констатировать, что видовые противопоставления (совершенный и несовершенный вид), по-видимому, представлены в данных вариантах языка. Возможно, это следствие того, что вид в русском языке является скорее словообразовательной категорией. В речи носителей пиджина сравнительно мало ошибок на неверное употребление вида, которые характерны для речи иностранцев, даже хорошо знающих русский язык. Ср. следующие примеры:

(7) – Антонина Сергеевна, а вы где родились? (соб.)

Иде Олон, верху там я родил…Там дэва дом было, там мы так дзили.
‘Я родилась вверх по реке, где поселок Олон. Там было два дома, и мы там жили’.

Это замечание не касается не оформленных морфологически форм глагола, характерных для пиджина. Глаголы в пиджине не выражают категории вида. Так, фраза *Огорода чё делай, смотри!*, вырванная из контекста, может иметь самые разные толкования «Смотри, что делается в огороде», «Смотри, что делаешь в огороде» и т. п. Контекст указывает на интерпретацию «смотри, что сделали с огородом» – пример (9).

(8) *Они щасэ молодёжэ дрянь. Они роботать ни хотят. Огорода чё делай, смотри!*
‘Молодежь теперь никуда не годится. Работать не хотят. Смотри, что наделали у нас в огороде!’

Таким образом, мы видим, что в идиомах, которые характерны для постпиджинного континуума, сосуществуют два типа форм: формы пиджина, не выражающие никаких категорий, и заимствованные формы русского языка, которые употребляются бессистемно, однако способны, хотя и непоследовательно, выражать категории вида и времени и до некоторой степени лица и числа. Иные глагольные категории отсутствуют.

Существительное. В описываемых идиомах существительное не обладает грамматической категорией рода, а число выражаются непоследовательно. Ср. следующие примеры:

(9) *А мы по* ***сопка*** *ходим, нашли, дали* ***союза*** *по* ***мука****, по* ***крупа****.*
‘А мы ходили по сопкам, собирали [женьшень], когда находили, сдавали в Интегралсоюз за муку и крупу’.

(10) *Токо* ***мой дочка*** *хорошо говорил по-удэйски.*
‘Только моя дочь хорошо говорила по-удэгейски’.

А тута ***русский дефка*** *за* ***китайса*** *выходили. Там, а иде это…В Нагорнэ. Там работаит* ***огородэ китайсэ****.*
‘А туту русская девушка за китайца вышла. Где это… В Нагорном. Этот китаец там работает на огороде’.

Анализ текстов показывает, что число существительных, как правило, выражается, если речь идет о референтных употреблениях, то есть в тех контекстах, когда существительное имеет какой-то конкретный денотат. Если же существительное употреблено генерически (имеется в виду весь класс предметов), в отличие от русского языка такое существительное оформляется единственным числом, ср. в примере (10) *сопка* имеются в виду не какие-то конкретные сопки, а «сопки вообще». Высказывание (12) ИГ *русский дефка* ‘русская девушка’ и *китайса* ‘китаец’ можно было бы также понять как генерическое высказывание «девушки выходят за китайцев», к такой интерпретации склоняло бы мн. ч. глагола *выходили*. Более широкий контекст, однако, показывает, что речь идет о единичном случае. Можно только предполагать, что множественное число глагола здесь указывает на обоих участников ситуации «поженились».

Еще более сложной оказывается ситуация с категорией падежа. Те или иные падежные формы появляются в речи носителей этих идиомов постоянно, однако было бы затруднительно свести эти употребления в какую-то хотя бы относительно стройную систему. В (11) приведены примеры из идиома одного и того же информанта:

(11)
(a) *Пирвá* ***кэлетка*** *делаит, а патом кара,* ***кара*** *абадрал уот этэ.*
‘Сначала делают каркас, а потом <обкладывают> корой, кору заранее обдирают.’

*Да **пиристройка** никакие наркэманисты, каки ворэ, каки бандитэ, нёкого ни видишь.*
'До перестройки не было ни наркоманов, ни бандитов, ни воров.'

(b) *Нам **Расию** дзивёт узэ ани давном давно.*
'Они у нас в России давно живут.'

*Эта, **рускаву языкэ** пачти ни училэ, уот сама **разговорэ** училась.*
'Я почти не учил русский язык, сам учился разговаривать.'

(c) ***Па тиливизару** пиридаёт.*
(d) 'По телевизору передают.'

*Интеграл-союз, видишь, чё принесёт, мясэ принесёт, **пусэнину** принесёт, усё принимай.*
'Интеграл-союз, видишь ли, <эта такая организация, которая> всё принимает, туда сдают мясо, пушнину, всё.'

В (a) существительные не имеют падежного оформления, как это происходило в русском пиджине. В (b) существительные оформлены падежными показателями русского языка, однако это оформление не соответствует норме. В (c) падежная форма существительного соответствует норме русского языка.

Во многих случаях информант произносит в конце слова редуцированный гласный, который трудно трактовать как манифестацию того или иного падежного показателя. Следует также заметить, что среди случаев «правильного» употребления падежей немало устойчивых оборотов типа (11c) *по телевизору*. Сюда же можно отнести и такие сочетания: *по-русски*, *на чёрта* и т. п.

Возможно, вопрос о наличии в данных идиомах категории падежа следует решать с учетом наличия этой категории в системе местоимений. В местоимении падежные отношения выражены более последовательно. С другой стороны, из общей типологии известно, что система местоимений может обладать иной, более развитой падежной системой, чем существительное. Примерами могут быть многие европейские языки, у которых в системе местоимений имеется больше падежных противопоставлений, чем в системе имени (английский язык), или падежи вообще свойственны только системе местоимений (французский, испанский языки).

В исследуемых идиомах наблюдается сходная ситуация. В системе местоимений, прежде всего личных местоимений, зарегистрировано большее количество падежных форм, чем в системе существительного, и употребляются эти формы более последовательно.

Личные местоимения. В пиджине личные местоимения имели неизменяемую форму: *мая/мине* 'я', *тибе* 'ты', *иво* 'он, она, оно', *наша* 'мы', *ваша* 'вы', *их/ихинь* 'они'. Эти формы спорадически встречаются в речи носителей рассматриваемых идиомов, однако они варьируют с русскими личными местоимениями и их падежными формами. Ср. следующий пример:

(12) *Папробуй ты **иво** обзывай, папробуй ты **иво** сяким, **иво** сэразу наказание делаит.*
'Только посмей его (государство) покритиковать, оно сразу накажет'.

Местоимение *иво* употреблено трижды, два раза оно указывает на прямое дополнение и его употребление соответствует норме русского языка. Однако в клаузе ***иво** сэразу наказание делаит* данная форма является субъектным местоимением и соответствует

грамматике пиджина. При этом русские формы и формы пиджина находятся в состоянии свободного варьирования:

(13) ***Иво, он** кусал бисплатнэ.*
‘А он-то питался за казенный счет’.

Ср. также пример с варьированием местоимений не только по форме, но и по числу:

(14) *Китайсэ была, ни брали **ихэ**. Зачем **иво**?*
‘Китайцы были, но их не брали [в армию]. Зачем они?’

Примеры показывают, что несмотря на спорадически появляющиеся иные местоимения 3 л. (*он, их*), они находятся в свободном варьировании с неизменяемым местоимением *его [iwo]*, характерным для русских пиджинов.

В то же время можно найти немало примеров, где формы местоимений употреблены в соответствии с нормами русского языка:

(15) ***Ты** уж сэпи, **я** сам усе вари.*
‘Ты уж спи, я сам все приготовлю.’

Прилагательное. Рассматриваемые идиомы бедны прилагательными. Зарегистрировано небольшое количество качественных прилагательных: *хороший-плохой, легкий-трудный, красивый-некрасивый*, *горький, солёный, старый*, ср.:

(16) *…лёхкой слово у них тозе… Па-русски тозе лёхкой, . Это, видишь, уот Америка, Япония разны наци, у них трудэно.*
‘У них <китайцев> тоже простой язык… Русский тоже простой. А вот в Америке, в Японии, там другие народы, у них <языки> трудные.’

Относительные прилагательные довольно редки: *ватнэ матэрас* ‘ватный матрас’, *китайскэ фанза* ‘китайская фанза (тип дома)’, *мальчикинэ ума* ‘детский ум’. Иногда соответствующие значения выражаются существительными, находящимися в препозиции или постпозиции к определяемому слову: *ёлка кора* ‘еловая кора’, *пола дзимля* ‘земляной пол’.

Порядок слов в предложении – (S)OV – является одной из самых устойчивых черт пиджина. Скорее всего, это связано с тем, что такой порядок свойственен удэгейскому и нанайскому, как и другим языкам тунгусо-маньчжурской группы. Ср. примеры:

(17) *Не нужно было вот такие дела занимать*.
‘Не надо было заниматься подобными делами’

(18) *Война уремя была, ничиво ни дастанишь, мука хлеба печи*.
‘В это время была война, ничего не достанешь, мы сами из муки пекли хлеб’.

Характерной чертой исследуемых идиомов является сохранение конечного положения отрицания *нету*:

(19) *А боше старый человек **нету***. ‘Больше старых людей нет’.

Сегментация текста. Характерной чертой русского пиджина, сохранившейся в данных вариантах, является сегментация текста на простые предложения, каждое из которых содержит не более двух аргументов. Такая «лаконичность» высказываний является од-

ной из основных черт, отличающих близкие к акролектным формам пиджина от речи на русском языке (Nichols 1980: 406):

(20) *– А тогда были люди, как струн крепкий, уот. Кэрасивэ люди был, прямэ, хороший людей. Чё сказано, я ни знакомэ, я ни могу тащить, устал, или бабка или охто, сразу наберёт, тащит. А ему бабка даёт – на, сынок, бери хóте, хóте папирос. Не-ет, бабка, ничё ни возьмём, ото вас ничё ни возьмём. А щас видит и ни потащит нёхто щас. Уот такой. Уот, уот такие люди.*
‘А в прежние времена люди были крепкие как струна. Люди были красивые, хорошие, прямые. Да что говорить, например, я тебе не знаком, но устал и не могу нести (тяжелую вещь), или, например, пожилая женщина (несет тяжелое), такой человек сразу поможет ей, заберет (сумку). Старушка скажет ему: «Возьми, сынок, хотя бы папирос». Он откажется: «Нет, ничего не возьму, у вас я ничего не возьму». А сейчас разве кто-то поможет, хотя и видит. Вот так. Такие теперь люди.’

(21) *Раньше сильно плохо жили. Зимли капали, нагорода садили. Зимли раньше сё сади, магазина ничё никупи.*
‘Раньше жили очень плохо. Раскапывали огороды. Раньше всё выращивали своими руками, ничего не покупали в магазине’.

Стратегия перебора синонимов. Как видно из приведенных примеров, современные идиомы, представляющие собой «размытые» варианты пиджина, сохраняют многие черты, свойственные пиджину, которые в идиолектах носителей имеют «синонимы», заимствованные из русского языка. Говорящие способны действовать методом «перебора синонимов», чтобы избежать провала коммуникации. Ср. следующие диалоги:

(22) *– У вас, **васа стэрана** все такие же?*
– Какая страна? (соб.)
*– **В васа стэране**, я говорю, нет бандитов?*

Собеседники не поняли вопроса, и говорящий его перестроил. Он старается найти такие формы, которые будут понятны слушающим, и действует стратегией перебора синонимичных конструкций в надежде, что какая-то из них окажется более понятной. Возможно, он знает, какие варианты ближе к русскому языку и намеренно употребляет их, чтобы сделать свою речь более понятной. Во втором варианте вопроса появляется предлог, существительное *стэрана* употреблено в предложном падеже, и сам вопрос сформулирован более эксплицитно. Стратегия перебора синонимов в ситуации затрудненной коммуникации является одной из основных, в частности, она широко употребляется в разговоре с плохо понимающим язык иностранцем (Федорова 2002)

«Эхо-эффект». Одной из характерных черт разговорной речи является «эхо-эффект», когда говорящий повторяет только что услышанную форму, которую обычно не употребляет:

(23) *– Каких животных вы убивали? (соб.)*
– Зивотны ного деда, и соболь и чего, и мяса.
‘Разных животных, и соболя и других [пушных зверей], и на мясо’

Это единственный случай употребления говорящим слова *животное*. Информантка пассивно понимает его и повторяет вслед за собеседником, но самостоятельно таких лексем не порождает.

(24) – *Дзимли чо-чо сади. Ровно делай.*
– *Бульдозером? (соб.)*
– *Угу. Бульдозера ровно делай.*
‘На земле посадили разные [овощные культуры]. Всё сравняли. – Бульдозером? – Да, бульдозером сравняли’.

В примерах (25) и (26) говорящие заимствуют лишь основу слова, но опускают его морфологическое оформление. Однако в других случаях говорящие повторяют словоформу полностью:

(25) –*Уот эта японса, уот эта Америка, дэругой слово.*
– *Трудный, да? (соб.)*
– *Тэрудный они. Эта видишь уот Америка разные нации. На звери близко уот эти.*
‘А вот у японцев и американцев другой язык. – Трудный, да? – Эти языки трудные. В Америке совсем другие народы. Они ближе к животным’.

При этом «эхо-эффекту» работает в обе стороны. Говорящие по-русски для облечения коммуникации также повторяют услышанное. При этом они, напротив, морфологически «достраивают» формы:

(26) – *Научись-то можено. Научили по-ихи.*
– *Научились по-ихнему? (соб.)*
– *Да, я разговаривает. Тозе лёхко, лёхко слово у них тозе.*
– *Лёгкое слово? (соб.)*
‘Научиться [говорить по-китайски] можно. Я научился по-ихнему. – Научились по-ихнему? – Да, я разговариваю. Тоже нетрудно, у них тоже простой язык. – Тоже простой язык?’

Легко видеть, что в процессе коммуникации происходит выработка общего кода. Даже в ходе краткого интервью спонтанно возникают предпосылки для сближения идиолектов коммуникантов.

Эхо-эффект, таким образом, является важнейшим механизмом образования койне, пиджинов, языков межэтнического общения.

Указанные явления – стратегия перебора синонимов и эхо-эффект – объясняют механизм образования контактных идиомов, который Сара Томасон назвала *bargaining* «торг» (Thomason 2001: 159–161). Суть ее теории состоит в том, что конкретные формы контактных языков – это результат «торга», попыток найти некий общий языковой знаменатель между разными языками. Можно уточнить: это происходит в результате того, что каждая из коммуницирующих сторон применяет стратегию перебора синонимов и одновременно повторяет за собеседником не совсем понятные слова и словосочетания (эхо-эффект). Поскольку говорящие на пиджине понимают русскую речь, они способны повторить за собеседником отдельные слова и формы. Если такие повторения происходят часто, они запоминаются и входят в языковую компетенцию говорящего.

Лексика. Следует заметить, что носители пиджина контактировали чаще всего не с носителями русского литературного языка. Поэтому их лексикон носит следы просторечия и диалектной лексики, в нем широко представлена бранные слова, канцеляризмы, а также штампы и устойчивые выражения, почерпнутые из радио и телепередач.

Местный вариант русского языка: *варить* ‘готовить пищу’, *олочи* ‘особая кожаная обувь’, *сохатый* ‘лось’, *походы* ‘обычаи’.

Просторечие: *дефка* ‘девушка’, *избушка* ‘сруб’, *на чёрта мне* ‘зачем мне’.

Канцеляризмы: *обучает* ‘учит, преподает’, *направляй государству* ‘напрявляет государству’, *рассчитывает* ‘расплачивается’, *даром деньги расходовуют* ‘зря тратят деньги’*, школа занимает* ‘учиться в школе’.

Устойчивые обороты: *пери царски уремя* ‘при царском режиме’ *контрабандом занятия началэ* ‘стали заниматься контрабандой’, *буруки стрелкам* ‘на брюках стрелки (наглажены)’.

Выводы. Самые старшие представители удэгейцев и нанайцев, коренных жителей Приморского края, используют особый вариант русского языка, который является поздней формой русского пиджина. Характерной чертой этих идиомов оказывается необычайно высокая вариативность, поскольку формы пиджина свободно варьируют с формами, заимствованными из русского языка. Важными механизмами образования данных идиомов послужили стратегия перебора синонимов и эхо-эффект, в результате действия которых говорящие в ходе коммуникации вырабатывают общий код. Имеются определенные характерные черты данных идиомов. Представленные идиомы уходят из употребления, а вместе с ними исчезают последние следы бытовавшего когда-то в Приморье русского пиджина.

Литература

Jabłonska, A.: 1957, ‘Jezyk mieszany chinsko-rosyjski w Mandzurii’, *Przegład Orientalistyczny*, 21, 157–168.

Nichols, J.: 1980, ‘Pidginization and foreigner talk: Chinese Pidgin Russian’, Traugott, E.C.; Labrum, R.; Shepherd, S. (eds.), *4th International Conference on Historical Linguistics*, Amsterdam, John Benjamins, 397–407.

Thomason, S.G.: 2001, *Language Contact. An introduction*, Edinburgh: Edinburgh University Press.

Арсеньев, В.К.: 1947–1949, *Сочинения*, Т. I-V, Владивосток.

Беликов, В.И. & Перехвальская, Е.В.: 1994, ‘Тазов язык’, *Красная книга народов России, Энциклопедический словарь-справочник*, Москва: Academia, 50–51.

Врубель, С.А.: 1931, ‘Русско-китайские языковые скрещения’, *Культура и письменность востока*, № 7–8, Москва.

Масловский, Ф.Х.: 1999, *Джанго. Роман*, Комсомольск-на-Амуре.

Перехвальская, Е.В.: 2007, ‘Диалектные различия как результат языкового сдвига (бикинский диалект удэгейского языка)’ *Языковые изменения в условиях языкового сдвига*, отв. ред. Н.Б. Вахтин, СПб: ИЛИ РАН, 252–281.

Перехвальская, Е.В.: 2008, *Русские пиджины*, СПб.: Алетейа.

Сем, Ю.А. & Сем, Л.И.: 2001, *Тазы: этническая история, хозяйство и материальная культура (XIX—XX вв.),* Владивосток: Дальнаука.

Федорова, К.С.: 2002, *Лингвоповеденческие стратегии в ситуации общения с иностранцем (на материале русского языка)*, диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук, СПб.

Хелимский, Е.А.: 2000, ‘Говорка – таймырский пиджин на русской лексический основе’, Хелимский, Е.А. (ред.), *Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи*, Москва.

Шпринцын, А.Г.: 1968, ‘О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке’, *Страны и народы Востока*, вып. 6, 86–100.